

Глава 7. Праздничная суэта

На сердце у Чи Шэня мгновенно потеплело. Он подумал: будь у него в той, прежней жизни такой старший брат, он бы не коротал дни в одиночестве, боясь и слова вымолвить в ответ на чужие обиды. В глазах защипало. Поморгав, чтобы прогнать непрошеную влагу, он подошёл поближе.

— Брат, неужели тебе ни один фонарик не приглянулся?

Заметив, что мальчик спешит к нему, Сян Тянью подался вперёд и, приобняв его за плечи, осторожно потянул на себя, увлекая в кольцо своих рук. Ладонью он стёр капельки пота со лба Чи Шэня.

— Я тебе не ребёнок, чтобы заглядываться на эти побрякушки.

— Ну уж нет! — не согласился тот, вступая в спор. — Гляди, те, кто с тобой одних лет, и те вон как суетятся. Давно уже у храма места заняли, ждут не дождутся, когда вынесут большой фонарь бога Цинфэна.

— И ты думаешь, они на фонарь пришли смотреть? Глубоко же ты заблуждаешься. Все эти книжники, учёные мужи, барышни да странствующие рыцари ищут здесь лишь славы и забавы. А те, кто просто живёт своей маленькой мирной жизнью, сейчас бродят по лавкам — точно так же, как и ты.

Чи Шэнь огляделся по сторонам и понял: брат прав. Молодые люди в учёных одеждах, стараясь казаться степенными, на самом деле толкались впереди, вытягивая шеи. Покупателями же у лавок были люди простые, бесхитростные. И среди них Сян Тянью, высокий и статный, казался ещё более заметным.

— А брат-то смотрит в самую суть, — не удержался Чи Шэнь от похвалы. — Но у меня теперь другая забота. Перед уходом я обещал брату Хэйданю принести фонарь в виде золотой обезьяны. А теперь вижу: обезьяна эта — не чета крошечным лотосам да кроликам. Бамбуковый остов хрупкий, а нам ещё в столицу ехать. Как же быть?

Сян Тянью весело рассмеялся и, шутливо поймав его за запястье, ответил:

— Нашёл о чём кручиниться! Вот доберёмся до столицы — там даже платок, обронённый служанкой знатной дамы, будет поинтереснее платья, сшитого лучшей швеёй уезда Чима. Неужто мы там не подыщем безделушку, чтобы утешить твоего вечно хмурого брата, который на меня и смотреть-то не может без злобы?

Чи Шэнь покраснел до самых ушей. Не найдя, что возразить, он лишь насупился:

— На мои гроши я и нитки с платка той служанки не куплю.

— Ну полно. Прекрасно ведь знаешь, что я не заставлю тебя платить, так зачем ворчишь? — Сян Тянью склонился к нему и с улыбкой ущипнул мальчика за мягкую розовую мочку уха. — Ты — мой любимый младший брат. И сколько бы денег я ни потратил, я сделаю это не ради того чёрного пацана, а лишь для того, чтобы ты пораздовался.

Чи Шэнь изо всех сил старался сдержать улыбку, так и норовившую расплыться до ушей, и быстро зашагал вперёд.

Когда они добрались до храма Цинфэн, поэтическое состязание было в самом разгаре. На подмостках стояло около десяти человек. Среди них были и юноши с лицами чистыми, точно яшма, и книжники в строгих чёрных одеждах. Особняком держался лишь один могучий детина ростом в восемь чи: на нём была грубая короткая рубаха, подпоясанная пеньковой верёвкой, открывающая взгляду крепкую грудь и мощные руки. Прямой нос, волевой подбородок — в каждом его движении сквозила мужская удаль.

В небо один за другим поднимались фонари, на которых были начертаны первые строки стихов. Темы были простыми — горы, реки, лунный свет. Участники отвечали витиевато, с нескрываемой нежностью в голосе, и лишь тот великан чеканил слова с такой силой и дерзостью, что невольно приковывал к себе все взгляды.

Когда осталось всего четверо, правила изменились: теперь нужно было слагать стихи сообща, отвечая по кругу, пока кто-то не замолкнет. На стенке фонаря возникла строка:

«Цветы опали в тишине...»

Сидящий следом, не раздумывая, выпалил:

«При свете ламп читаю книгу».

Мужчина слева от него, медленно покачивая складным веером, подхватил:

«И кисть летит в чертогах вечных».

Последний добавил:

«Чтоб весть о первенстве нести».

Могучий детина нахмурился, но тут же расплылся в широкой улыбке:

«Но стану лишь мелким чинушей».

Круг замкнулся. Первый юноша явно опешил. Как это так — быть первым на экзаменах и стать «мелким чинушей»? Он покраснел и, заикаясь, выдавил:

«Верность храню государю».

Следующий с облегчением подхватил:

«В вихре дворцовых интриг».

Третий, закончив строку, победно взглянул на великана:

«И слава моя — на века».

Казалось, продолжать было нечего. Богатырь на мгновение замер, сокрушённо покачал головой и, сложив ладони в приветственном жесте, уже собрался было покинуть помост.

Но вдруг над шумом толпы раздался чистый, глубокий голос:

— Цветы опали в тишине, их ветер в путь благословил. Сквозь облака на край земли летим мы с птицей Куньпэн.

Детина замер, сделал два широких шага к краю сцены и впился взглядом в людское море. Там, среди толпы, он увидел статного молодого человека, который бережно прикрывал собой круглолицего мальчугана. Он воодушевился. Он расхохотался и, спрыгнув вниз, прогремел:

— Предел есть рыбам и богам, но нет конца пути познания! Скитайся в мире среди светил, но сохрани свой корень прежним!

Он приземлился, и толпа, почуяв его мощь, невольно расступилась. Растерянный распорядитель состязания крикнул вслед:

— Почтенный мастер, вы что же, признаёте поражение?

Богатырь даже не обернулся. Он лишь небрежно махнул рукой:

— Признаю, признаю! Вашему фонарю всё равно не подняться выше девятых небес, а имя дедушки У слишком тяжело для такой поделки!

Распорядитель помрачнел, но промолчал, лишь недовольно фыркнул и вернулся к участникам.

Великан же подошёл к Сян Тянью и бесцеремонно заявил:

— Брат, ну и хитрец же ты! Стоял в сторонке, смотрел представление, а меня одного бросил с этими белоручками препираться.

Сян Тянью не нашёл, что ответить на такую фамильярность. Зато Чи Шэнь, пользуясь тем, что он ещё мал, не стал церемониться:

— Мой брат видит всё насквозь, потому и не лезет в эту суету. Ты сам этих книжников ни во что не ставишь, а сам к ним напросился. Теперь на тебя все как на шута смотрят — так тебе и надо!

— Ого, какой кусачий малый! — рассмеялся детина. Он не обиделся, поняв, что мальчишка просто защищает своего спутника. Он потянулся было, чтобы потрепать Чи Шэня по макушке, но Сян Тянью перехватил его руку.

В тот же миг великан изменился в лице. Он направил внутреннюю силу из даньтяня в правую руку и слегка надавил. Сян Тянью почувствовал, как тяжелеет тыльная сторона его ладони, и мгновенно выставил блок. Это столкновение длилось лишь миг, незаметный для окружающих, но за эту секунду оба мастера прощупали друг друга, определив силу противника на добрых шесть-семь долей.

— Забавно, ох как забавно! — детина хлопнул себя по груди. — Меня зовут У Юнь, можешь звать меня братом У. А тебя как величать?

Сян Тянью назвал его и представил ему Чи Шэня. Тот, слушая их недавние стихи, уже понял, что перед ним человек выдающийся. Когда к ним подходила Хэ Шоуцин, Сян Тянью не выказывал ей и доли того уважения, которое проявил сейчас.

Чи Шэнь тяжело вздохнул. Будь уровень сложности его задачи поменьше, он бы так не мучился. Если бы он мог понять, какую роль этот человек сыграет в судьбе Сян Тянью, дела пошли бы куда скорее.

— Брат Сян, на суету мы уже нагляделись. Пошли в башню «Бинчжи», осушим пару кувшинов вина для крепости духа!

Чи Шэню эта затея пришлась не по душе, но и отказать прямо он не мог. Однако он невольно нахмурился. Сян Тянью, заметив это, со вздохом ответил:

— Вино — дело хорошее, да только я с младшим братом. Ему и капли нельзя, а сидеть на холодном стуле да смотреть, как мы пьём, — тоска смертная. Давай в другой раз.

У Юнь внимательно посмотрел на Чи Шэня, который сразу приободрился, и сокрушённо почесал затылок:

— Надо же, только нашёл дельного человека, а у него на хвосте — неженка, за которым глаз да глаз нужен! Ладно уж, пойду сам оба кувшина выпью. Да только беда — в кошельке шаром покати. Не одолжит ли кто пару лянов серебра?

Сян Тянью лишь улыбнулся в ответ, не говоря ни слова. Чи Шэнь же, поняв, что У Юнь нарочно испытывает его терпение, полез за пазуху. Он вытащил бережно хранимый кусочек серебра и, протягивая его великану, сердито буркнул:

— На, пей своё вино. Только не вздумай нализаться и уснуть прямо на дороге!

У Юнь усмехнулся и небрежно взмахнул рукой. Чи Шэнь почувствовал лишь мимолётное дуновение воздуха — ни тепла, ни холода, ни чужого прикосновения. Ладонь его опустела, серебро исчезло. Мальчик похолодел от ужаса, осознав, что мастерство этого человека непостижимо.

— Ах ты сорванец! Смеешь дедушке такие дерзости говорить? Не будь ты таким щедрым малым, я бы тебе задал трёпку! Ха-ха! — Хохоча, У Юнь стал пятиться. Только что он был в пяти шагах, а в мгновение ока скрылся в толпе, и след его простыл.

Проводив незваного гостя, Чи Шэнь не почувствовал облегчения. На душе было мутно. Выйдя из храма, они направились к небольшой речке Чима, что несла свои воды через весь город.

По одну сторону реки гремела поэтическая встреча, по другую — сияли огнями весёлые кварталы. А сама река, зажата между двумя шумными берегами, хранила тишину.

По воде медленно проплывали фонарики. Их было немного, но они мягко подсвечивали тёмную гладь.

Сян Тянью усадил Чи Шэня на невысокий парапет набережной. Он видел, что мальчик не в духе, но не спрашивал. В конце концов Чи Шэнь сам нарушил затянувшееся молчание. Ему казалось, что тишина становится давящей.

— Брат, тебе стоило пойти выпить с У Юнем.

— А я предпочту посидеть здесь, в тишине.

Чи Шэнь быстро взглянул на него и тут же опустил голову, смущённо пробормотав:

— Брат злится на меня за то, что я капризничаю.

— Я отказался от приглашения У Юня по двум причинам. Во-первых, из-за тебя, а во-вторых — мне и самому не слишком-то хотелось идти. А ты сам себя загнал в тупик: идёшь молча, на меня и не глядишь.

— Мне грустно... и не только из-за того, что сегодня случилось.

Чи Шэнь вспомнил те шесть лет, что они провели в глухой деревне, вдали от императоров и чиновников. Там никто не мешал их покою. Он привык к той жизни, и лишь в последние дни начал осознавать: Сян Тянью — не просто замечательный человек, он — главный герой этого мира. И прежней тихой жизни больше не будет.

Чувства Чи Шэня к брату стали запутанными. Будь он сейчас взрослым мужчиной, он бы просто нашёл способ стать верным другом Сян Тянью. Но за эти шесть лет между ними выросла привязанность, ничем не уступающая кровному родству. Сян Тянью заботился о нём больше, чем Ли Цзиньхуа или Ван Течжу.

От мысли, что Сян Тянью скоро будет заводить множество друзей, встретит ту самую женщину, которая родит ему детей, и создаст свою настоящую семью, на душе становилось горько. Ему, названному брату из деревни, в той новой жизни места могло и не найтись. Эта тревога не давала ему покоя.

— Брат, скажи мне правду... что ты думаешь о девушке Хэ?

Сян Тянью был слишком проникновенен, чтобы не понять, к чему клонит мальчик.

— Мы виделись всего пару раз и перекинулись парой десятков слов. С виду она мила, характер вроде бы покладистый. Большого сказать не могу.

— Ладно, не буду ходить вокруг да около. Она явно к тебе равнодушна. Так она тебе нравится или нет?

— Какая ещё любовь? — Сян Тянью нахмурился. — Мал ты ещё об этом рассуждать. Тоже мне, взрослый выискался.

— Хорошо, пусть девушка Хэ тебе не по нраву. Но цветов в мире великое множество, неужто нет ни одного, который был бы тебе мил?

Чи Шэню было всё равно, что о нём подумают. В душе-то он был взрослым мужчиной, а не сопливым ребёнком. Ему нужно было заранее разузнать о вкусах Сян Тянью, чтобы быть готовым к тому, что ждёт их впереди.

<http://bllate.org/book/17417/1653722>